

Предпосылки японизма: этнопсихологический аспект

Чистотина Ольга

Чистотина Ольга. Предпосылки японизму: этнопсихологический аспект. У статті географічні, соціальні та культурні умови періоду пізнього сьогунату Токугава проаналізовані в контексті формування теорії японської виключності. Висвітлено особливий вплив синтоїстського етноцентризму на характер націоналістичної концепції, а також роль релігійно-філософських шкіл у розробці догматів японизму та їх пропаганді.

Ключові слова: японізм, синто, кокутай, виключність, мілітаризація, менталітет.

Чистотина Ольга. Предпосылки японизма: этнопсихологический аспект. В статье географические, социальные и культурные условия периода позднего сёгуната Токугава проанализированы в контексте формирования теории японской исключительности. Освещено особое влияние синтоистского этноцентризма на характер националистической концепции, а также роль религиозно-философских школ в разработке догматов японизма и их пропаганде.

Ключевые слова: японизм, синто, кокутай, исключительность, милитаризация, менталитет.

Chistotina Olga. Prerequisites of Japanism: Ethnopsychological Aspect. In this paper geographical, social and cultural conditions of the late Tokugawa period are analyzed in context of the theory of Japanese exclusivity. It is shown a special influence of Shinto ethnocentrism on the nature of nationalist concept and the role of religious and philosophical schools in development of Japanism dogma and its propaganda.

Key words: Japanism, Shinto, kokutai, exclusiveness, militarization, mentality.

Теория японской исключительности сыграла особую роль в процессе модернизации и милитаризации Японии, что вызывает научный интерес к этому явлению общественно-политической мысли. Исследование представлений о национальной исключительности напрямую связано с историей ментальности и требует всестороннего освещения. Работы, посвященные проблемам японской этнопсихологии, преимущественно написаны в научно-популярном жанре и посвящены

современности, в то время как исторический срез этнического самосознания остается малоизученным. В данной статье сделана попытка проанализировать те условия и предпосылки, которые способствовали появлению идеи японизма и её массовому распространению в обществе накануне реставрации Мэйдзи.

Историография японизма довольно обширна, так как находится на пересечении политической, социальной и культурной истории. Однако внимание большинства исследователей сосредоточено на японизме как официальной государственной доктрине эпохи Мэйдзи или же более поздних периодов. Процесс формирования идеи японской исключительности в период кризиса сёгуната Токугава показан в коллективном сборнике «"Дух Ямато" в прошлом и настоящем», где собраны статьи, посвященные поискам японской идентичности в различные периоды [5]. Шеститомная история Японии издания Кембриджского университета является базовым общесисторическим исследованием [25]. Общественно-политическая мысль Японии рассматриваемого периода исследуется в работах Ю. Д. Михайловой и Нагаты Хироси [12; 14]. Глубокий анализ причин и предпосылок Мэйдзи исин дан В. Э. Молодяковым, а в работе А. Н. Мещерякова наиболее полно описаны события периода бакумацу [13; 11, с. 5-214]. Социально-экономические процессы разложения феодального строя и проникновения иностранного капитала, спровоцировавшие развитие национализма, обстоятельно освещены в работах Нормана Герберта, А. Е. Жукова и др. [4, с. 17-53; 7; 3]. Религиозный, в частности синтоистский, аспект японского национализма и милитаризма рассмотрен Г. Е. Светловым, А. Б. Спеваковским, Л. С. Васильевым [18; 21; 2], дзэн-буддийским основам психологии самураев посвящена работа Уинстона Л. Кинга [23]. Культ императора является объектом исследования в монографии Т. Г. Сила-Новицкой [19]. Культурологическое и литературоведческое направление представляют И. П. Сусов, К. М. Попов и Бенедикт Рут, исследование которой посвящено вопросам менталитета [22, с. 63-68; 16; 1; 17].

Важнейшими источниками, в которых отражены теоретические истоки и практические предпосылки японизма, являются традиционные синтоистские тексты «Кодзики» и «Нихонги», произведение «Хагакурэ» как отражение самурайской этики [9; 8], историко-философское наследие Школы национальных наук и Школы Мито, в частности трактат Мотоори Норинага «Тамэ Кусигэ» [15], а также мемуарная русскоязычная литература [20].

Целью нашего исследования является выявление и анализ тех предпосылок, которые сделали общество восприимчивым к националистическим теориям и подготовили почву для развития милитаризма. Рассматривая процесс становления идеи японской

исключительности, мы должны учитывать историческую обстановку, которая спровоцировала рост националистических тенденций, и её культурные истоки, уходящие далеко вглубь японской истории.

Истоки этого явления стоит искать в традиционной религии синто, особенностях географического положения, самурайской этике и общественной реакции на подписание неравноправных Ансэйских договоров.

Среди общих условий формирования такого миропонимания нужно отметить фактор географической замкнутости вследствие островного положения (консервация особенностей местного менталитета) [7, с. 10-11] и гомогенность японцев после двух столетий почти полной самоизоляции [13, с. 69]. Длительное обособление от других стран способствовало противопоставлению себя всему внешнему миру («наше государство коренным образом отличается от иностранных» [15, с. 104]) и на основе этого – формированию этнического самосознания. Это стало отправной точкой для развития представления о Японии как «островке цивилизации», окруженном «варварами» [14, с. 228].

Относительная изолированность японских островов препятствовала проникновению завоевателей, а неудачная попытка монгольского вторжения утвердила догматическую уверенность в непобедимости и избранности Японии [18, с. 120]. А. Б. Спесивовский подчеркивает важность событий XIII в., утверждая, что именно тайфун, погубивший монгольские корабли у западных берегов Японского архипелага, стал основанием для веры в непобедимость Японии из-за особого покровительства богов [21, с. 17, 29].

Длительная изоляция сказалась не только на экономической и политической консервации, но и на отношении общества к неазиатскому миру. Если среди элиты, которая через открытый порт Нагасаки имела возможность ограниченного доступа к европейской культуре, могло формироваться разное отношение к Западу, то реакция большинства японцев, никогда не видевших «варваров», была почти однозначно негативной [24, с. 42]. Появление «черных кораблей» коммодора Перри в непосредственной близости от столицы сёгуната привело в шок все население Эдо, а до Киото слухи донесли уже известие о ста кораблях и тысяче воинов [11, с. 36].

Появление «варваров» на «священной» земле, куда не ступала нога иностранцев, их требования к сёгуну (чей полный титул звучит как «сэй-и-тайсёгун» – «великий полководец, покоритель варваров») рассматривались японцами как оскорбление. Для понимания сложного мира японской дипломатии нужно учесть некоторые подробности церемониала встречи с «императором»: встреча с коммодором прошла в полном молчании со стороны японцев [11, с. 609], что было единственным возможным знаком протеста. Сам характер переговоров (скорее похожих на ультиматум, чем на переговоры) ставил японцев в

унизительное положение. Итогом серии договоров с западными государствами, подписанных в 1854–1860 гг., стала потеря Японией экономической и частично политической самостоятельности [7, с. 614–617]. Ситуация, характеризующаяся Гербертом Норманом как «семнадцать государств в пяти портах» [4, с. 9], стала причиной массовых расправ над иностранцами. Реваншизм, выросший на основе Ансэйских договоров, привел к бурному развитию националистических и ксенофобских настроений в обществе.

Одновременно с сопротивлением внешней угрозе в стране усилилась внутренняя борьба – после подписания договоров она стала особенно острой. Вся вина за подписание неравноправных договоров, усугубленная медлительностью бакуфу в критической ситуации, была возложена на сёгуна. Недовольство сёгунатом, охватившее почти все слои общества, отразилось и на религиозной жизни страны. Недовольство правлением Токугава нашло свое проявление, в частности, и в отношении японцев к буддизму как официальной религии сёгуната. Политика Токугава характеризовалась попыткой идеологического контроля через создание иерархической структуры «сёгунат – буддийские храмы – массы» [19, с. 24]. В условиях пошатнувшейся власти сёгуна буддийские храмы, которые при Токугава были неотъемлемой частью полицейской системы [2; 14, с. 64], стали объектом выражения народного недовольства. В период гражданской войны и в первые годы восстановления монархии по всей стране прошли масштабные антибуддийские акции и погромы. Кроме фактора политического кризиса буддизма в Японии, как утверждает японский философ Нагата Хироси, «духовные творческие возможности буддизма были полностью исчерпаны» [14, с. 65].

В противовес официальной религии уже в XVIII в. стал возрастать интерес к традиционному синто в кругу ученых-литературоведов. В период бакумацу обозначилась тенденция вытеснения буддизма синтоистскими сектами также и в низших социальных прослойках общества, что имело свои веские причины и значительные последствия для массового политического сознания [25, с. 215].

Синто, в отличие от мировых религий, в процессе своего распространения не насаждался силой в борьбе с местными верованиями, а включал их в себя. Так как синто не имеет основателя, четкого времени и места возникновения, это дало основания говорить о том, что синто возник вместе с Японией, развивался вместе с ней и неотделим от нее. Позднее из этого был сделан вывод о глубинной национальной сущности синто, об идентичности его самой японской нации [18, с. 9–10]. Однако до начала движения за «возрождение синто древности» он не играл роли этико-политической основы общественной жизни.

Политическая трактовка синто была разработана лишь в конце XVIII в. на основании филологических исследований. В рамках японской

лингвистической традиции сформировалась убежденность в совершенстве и исключительности японского языка [22, с. 68], которая далее трансформировалась в идею японской исключительности. Такая «филологическая философия» [13, с. 58]. Вскоре перешагнула за рамки лингвистики и обратилась к историческому осмыслению памятников древности. Школа национальных наук, деятельность которой была сконцентрирована на исследовании синтоистских текстов («Кодзики» были прокомментированы в 49 томах), положила начало теоретическому оформлению японизма. Её представитель Мотоори Норинага разработал базовые положения этой теории. В основе теологии, разработанной Норинага, лежали сказания об «эре богов» и творении Японии, при этом предания трактовались как хроника подлинных фактов, которые положено воспринимать буквально и рассматривать как незыблемую истину – «все иностранные учения по своей сути ложны, а предания нашей родины истинны» [15, с. 94]. Исключительная роль, принадлежащая, по мифу, Японии, «рожденной» богами Идзанаги и Идзанами, была истолкована политически. Норинага утверждал, что все другие страны должны почитать «божественную страну», подчиняться ей и следовать ее «истинному Пути» [15, с. 95]. «Избранность» Японии была мотивирована божественным происхождением страны и «непрерывностью в веках» ее императорской династии.

Ученик Норинага Ацутанэ Хирата пропагандировал идею арахитогами [5, с. 122] – представление об императоре как о живом боге и провозгласил нравственное и духовное превосходство японцев над другими народами по праву рождения и крови [13, с. 79]. Таким образом, вопрос о восстановлении полноты императорской власти получал не только сугубо политическое, но и религиозное измерение. Особенно же акцентировался довод божественности происхождения династии; как справедливо отмечает В. Э. Молодяков, непрерывность престолонаследия в традиционном обществе подчеркивает сакральный характер царской власти [13, с. 64].

Политические идеи Школы национальных наук в изменившейся обстановке первой половины XIX в. были преобразованы и развиты представителями школы Мито. Основные идеи школы Мито выражены в концепциях «кокутай» (буквально – «тело государства», описательно термин переводится как «уникальная японская государственная сущность» [12, с. 11-12]) и «тюко-иппон» («верноподданность и сыновняя почтительность»). Император объявлялся не только единственно законным высшим сувереном страны, но и отцом всех подданных, в результате чего Япония рассматривалась как «государство-семья» (кадзоку кокка) [19, с. 34, 46-49]. Концепцию «кокутай», сочетавшую в себе синтоистскую мифологию и конфуцианские этические принципы, изложил Айдзава Сэйсисай в 1825 г. в политическом эссе «Синрон». О доминировании в этой теории идеей превосходства

свидетельствует уже фраза, которой начинается произведение: «Солнце восходит в нашей божественной Земле, и здесь берет начало исконная энергия» [25, с. 114]. Согласно учению Аидзава, «кокутай» – это специфически японская государственная общность, объединяющая императора (первосвященника синто и сакрального лидера), японский народ (потомков Аматэрасу) и Японские острова (творение Идзанаги и Идзанами) [13, с. 69]. Понятие «кокутай» в толковании Айдзава имело множество аспектов, в том числе предполагало особый национальный характер японцев, воплощающийся в моральных добродетелях почтительности [19, с. 34]. Идея «кокутай» воспринималась японцами эпохи Токугава как квинтэссенция японской самобытности.

Затрагивая вопрос о формировании в эпоху Токугава национальных ценностных ориентиров, отметим один важный аспект: роль самурайства. Как утверждает Л. Д. Гришелева, «доминирующая роль самурайства в формировании идейной атмосферы страны привела к заметной «самураизации» духовной жизни нации» [5, с. 126] и к милитаризации политических взглядов. Самурайство, традиционно игравшее существенную роль как в политических, так и в идеологических процессах страны, в эпоху Токугава стало стремительно терять свое влияние. Лишь небольшая прослойка самураев – хатамото (буквально – «под знаменем») занимала положение служилой знати и составляла главную опору режима сёгуната [24, с. 26]. Однако положение рядовых самураев в этот период значительно ухудшилось. Правительство Токугава стремилось избегать военных действий как внутри страны, так и во внешнеполитических отношениях, сведенных к минимуму, поэтому служба самураев свелась лишь к подавлению крестьянских восстаний [4, с. 28]. Таким образом, возникало коренное противоречие между традиционным образом жизни самурайства и относительно мирной обстановкой Японии конца XVIII – первой половины XIX в. [1]. «Самурайский дух с неистовством искал новые формы воплощения» [23, с. 242] и в период бакумацу проявился в движении за почитание императора и изгнание «варваров» (организованные самураями убийства иностранцев) [20]. Идеология военно-феодалного сословия – кодекс бусидо – повлияла не только на дискуссию о вопросе цели, но и на выбор методов. Впоследствии, с ликвидацией самурайства как особого сословия, требования самурайской этики почти без изменений были перенесены в императорскую армию [21, с. 43]. Произошло лишь смещение акцентов – от верности даймё к верности императору. Как утверждает исследователь восточных религий Л. С. Васильев, обостренное чувство чести, культ смерти во имя долга, фанатичная преданность патрону и философия фатализма – все эти представления, составляющие основу бусидо, оказали огромное влияние на японский национальный характер [2]. Ключевая роль военного сословия, в

конечном счете, стала одним из решающих факторов последующей милитаризации Японии.

Таким образом, из вышесказанного можно заключить, что целый комплекс факторов (длительная изоляция, национальная ориентированность синто, воинственная идеология самурайства, жажда реванша за Ансэйские договоры) в сер. XIX в. сделал японское общество восприимчивым к националистическим концепциям и способствовал распространению теории японизма. Эти идеи, оформленные в учении Школы национальных наук и Школы Мито, стали теоретической платформой для движения за восстановление полноты власти императора и в значительной мере определили ход событий Мэйдзи исин. После реставрации императорской власти в 1868 г. японизм вступил в стадию трансформации в официальную государственную идеологию, что является интересным объектом для отдельного исследования.

Литература

1. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: Модели японской культуры / Р. Бенедикт; пер. с англ. М. Н. Корнилов, Е. М. Лазарева, В. Г. Николаев. – М., 2004.
2. *Васильев Л. С.* История религий Востока / Л. С. Васильев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Vasil1/index.php. Доступ – 25.05.2011 г.
3. *Гальперин А. Л.* Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма / А. Л. Гальперин, А. А. Искендеров. – М., 1963.
4. *Герберт Н.* Становление капиталистической Японии: сокр. пер. с англ. / Н. Герберт; редакция и предисловие Е. М. Жукова. – М., 1952.
5. "Дух Ямато" в прошлом и настоящем / Коллект. автор. – М., 1989.
6. *Ёсисигэ К.* Современная философия. Заметки о "духе Ямато" / К. Ёсисигэ. – М., 1974.
7. *История Японии* / Жуков А. Е. – М., 1998. – Т. 1: С древнейших времён до 1868 г.
8. *Кодекс Бусидо.* Хагакурэ. Сокрытое в листе. – М., 2004.
9. *Кодзики:* Мифы Древней Японии / Пер. с яп. – Екатеринбург, 2007.
10. *Латыпов Р. А.* Почему Китай и Япония ответили по-разному на вызов Запада в XIX в? / Р. А. Латыпов // Аналитические исследования в исторической науке. – март–апрель 2000. – №8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://history.machaon.ru/all/number_08/analiti4/china/index.html. Доступ – 21.05.2011 г.
11. *Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония / А. Н. Мещеряков. – М., 2009.
12. *Михайлова Ю. Д.* Общественно-политическая мысль Японии (60-80-е годы XIX в.) / Ю. Д. Михайлова. – М., 1991.
13. *Молодяков В. Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика / В. Э. Молодяков. – М., 1999.
14. *Нагата Х.* История философской мысли Японии: Пер. с яп. / Н. Хироси; общ. ред. и вступ. ст. Ю. Б. Козловского. – М., 1991.

15. *Норинага М.* Тама кусигэ / М. Норинага // Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. – СПб., 2000.
16. *Попов К. М.* Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли / К. М. Попов. – М., 1964.
17. Проблемы национальной психологии Японии: Реф.сб. / Коллект. автор, ИНИОН АН СССР. – М., 1977.
18. *Светлов Г. Е.* Путь богов (Синто в истории Японии) / Г. Е. Светлов. – М., 1985.
19. *Сила-Новицкая Т. Г.* Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика / Т. Г. Сила-Новицкая. – М., 1990.
20. *Современная летопись.* Дневник гардемарина с фрегата Аскольд // Русский вестник. – 1860. – №5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIX/1840-1860/Muchanov/text4.htm>. Доступ – 19.05.2011 г.
21. *Спеваковский А. Б.* Религия синто и войны / А. Б. Спеваковский – Л., 1987.
22. *Сусов И. П.* Языкознание в Японии / И. П. Сусов // История языкознания: Учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов. М., 2006. – С. 63-68.
23. *Уинстон Л. Кинг* Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая / Уинстон Л. Кинг. – СПб., 1999.
24. *Японский милитаризм:* военно-историческое исследование. / Под ред. Е. М. Жукова. – М., 1972.
25. *The Cambridge History of Japan* / Edited by Marius B. Jansen. – Cambridge University Press, 1989. – Vol. 5: The Nineteenth Century.